

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 413 E. 14th St., New York, N. Y.

ДНИ ТРОЦКОГО С

БОЛЕЗНЬ ЕГО ПРИЗНАЮТ

СЭЙНТ ЛУИ, 17 янв. — Прочитав свои статьи в «Сэинт Луи», в которых бичует Сталина и Коминтерн, Троцкий признает, что вернувшись из Мексико, он говорил о дальнейших статьях с его слов, что он сам признает неизлечима, и что современная медицина на помощь его таинственной болезни, являющаяся соединением нескольких месяцев его совершенной болезни, являющаяся соединением им с женой на Прищевых с грудной болезнью, ревматизмом и желудочной болезнью. Троцкий признает его — очень серьезное. Вечером вчера начался острый приступ, умереть каждый день. Обыски, и качка в океане сильно обостри-

Троцкий мечтает приехать в Бронкс, где он жил до 1918, сторонники готовят ему торжествен-

ВСТРЕЧИ В. ВЕРЕСАЕВА С Л. ТОЛСТЫМ, ЧЕХОВЫМ, ЛЕОНИДОМ АНДРЕЕВЫМ, ГАРШИНЫМ И ДР.

Выстрел Веры Засулич. — Почему Вересаев отказался быть домашним врачом Толстого. — Клевета на Чехова. — Гаршин перед самоубийством. Леонид Андреев на Капри

Вышли воспоминания В. Вересаева*. Когда то, — в 1900 году, — большой шум наделала его «Записки врача», — о них заговорила буквально вся грамотная Россия. Первоначально они должны были появиться в народническом журнале «Русское Богатство». Но Вересаев уже тогда стал клониться к марксизму, разошелся с редакцией журнала, — затем окончательно примкнул к социал-демократам. В январе В. Вересаеву минуло 70 лет, — есть, о чем вспомнить, есть о чем рассказать. В этих «Воспоминаниях» проходят годы его детства, юности, студенчества и литературной работы. Разумеется, наиболее интересными главами являются воспоминания о Михайловском, Короленьке, Анненкове, Вере Засулич, Льве Толстом, Чехове, Леониде Андрееве.

24 января 1878 года молодая девушка Вера Засулич явилась к петербургскому градоначальнику, генералу Трепову, в качестве просительницы. В тот момент, когда он принимал от нее бумагу, раздавшийся выстрел. Трепов был ранен. Вера Засулич бросила револьвер и спокойно дала себя арестовать. На допросе заявила, что стреляла в Трепова за политического заключенного

студента Боголюбова, — по приказанию Трепова, он был в тюрьме высечен. Засулич Боголюбова не знала, и Трепову мстила за издевательство над политическими заключенными. Решено было судить ее судом присяжных. Министр юстиции, граф Пален ручался царю за обвинительный приговор. К его большому неудовольствию, Вера Засулич оправдала. Председатель приказал ее освободить. Но на улице ее ждали жандармы и хотели арестовать. Толпа отбила, и Засулич в карете скрылась, потом бежала в Швейцарию. Это дело вызвало огромную сенсацию и просланило ее на весь мир.

Прошло 22 года и, скопавшись по России, она рискнула вернуться. Теперь это была невысокая, седенькая старушка, небрежно причесанная, кое-как одетая, с нервно подергивающейся головой и с постоянной патетической во рту. Жила она строго законспирированно. Однажды в эти дни, на собрании кружка марксистов, молодой тогда критик, очень небрежно отвечал на замечания какой-то старушки, притаившейся в углу. Старушка сконфуженно умолкла. Прошел год. Как-то при встрече с Вересаевым, этот молодой критик сказал, что ни с кем он не хотел бы так искренне по-

говорить, как с Верой Засулич, и вдруг услышал, что беседовал с ней всего только год назад: «Вы только не пожелали ее слушать». Сначала критик не понял: «В чем соль вашей шуточки, не понимаю». И тогда, к великому своему сожалению, услышал, что скромная старушка в углу была Вера Засулич. Хозяйка тогда ему сказала, что это ее родственница из провинции, и он отнесся к этой провинциалке с нескрываемым высокомерием и небрежностью. Вот, что значит иметь имя и не иметь.

Впрочем, иногда слава, известность, имя становятся врагами. Рассказывали про беседу с одним мужиком из деревни, соседней с Ясной Поляной. Мужика спросили: «Видели ли вы Толстого?» — «Как же, сколько раз!» «Ну, что, как?» — «Ничего. Серьезный такой старик. Встренешься с ним на дороге, поговорит с тобой, а потом руку так вытянет, ладошкой вперед: отойди от меня, я — граф!» Так мужик понял желание Толстого пожать ему руку.

Однажды Вересаев получил письмо от дочери Толстого, Татьяны Львовны Сухотиной. Толстой был болен, ему нужен был постоянный домашний врач, — дело происходило в

1902 году. Толстой уже успел прочесть «Записки врача». Оне ему понравились. Письмо Татьяны Львовны ясно намекало на то, что было бы желательно иметь таким домашним врачом именно автора этих «Записок». Вересаев колебался. Тогда он был еще молодым врачом. Брать на себя ответственность за здоровье и жизнь Толстого он не решился. Вспоминая об этом, он рассказывает один анекдот.

К фельдшеру пришел в гости другой фельдшер. Хозяин хмур и кисел. «Что с тобой?» — «Что-то нездоровится. Знобит. Голова болит». Гость, тоже фельдшер, с важным видом берет его за пульс. Больной с усмешкой смотрит и качает головой: «Да будет тебе, — что дурака то валить. Свои люди! Мы-то с тобой отлично знаем, что никакого пульса нету». Вот, Вересаев и побоялся, что он делает назначение, а Толстой ему ответит: «Да будет вам, — мы-то с вами отлично знаем, что никакого пульса нету». При этом ему было бы не трудно сослаться на те же самые вересаевские «Записки врача». Скептическое отношение Толстого к медицине в этих «Записках» могло найти себе надежную опору. И быть постоянным домашним врачом Толстого Вересаев отказался.

Ведь он впоследствии побывал в Ясной Поляне. Между прочим, Толстой его спросил, — женат ли он и есть ли у него дети. Вересаев ответил: «Нет», — и Толстой потемнел: «А давно женаты?» — «Шесть лет». Толстой замолчал, но глаза его взглянули сурово, и Вересаев почувство-

вал, как он сразу и резко переменял к нему свое отношение. Правда, был мягок, но то тепло, что раньше было в его глазах сразу исчезло.

Тогда Вересаев жил в провинции, в Туле, был выслан министром внутренних дел из Петербурга. Толстой вздохнул и с завистью сказал: «Меня ни разу не выслали, и ни разу не сидел в тюрьме, я не имел этого счастья».

Не терпел слова «трагизм». Оно резало Толстому ухо, как визг стекла по железу. «Трагизм... Бывало, Тургенев придет и тоже все «трагизм, трагизм». И он это слово так произнес, что в душе шевельнулся странный, нелепый вопрос: да существует ли правда в жизни какой-нибудь трагизм? Не притворство ли все это?

Вересаев познакомился с Чеховым за год до его смерти. — 1903 г. За чаем Антон Павлович рассказал, что недавно получил письмо из Одессы от одного почтенного отца семейства. Тот писал, что девушка — дочь его недавно ехала на пароходе из Севастополя в Одессу, на пароходе и познакомилась с Чеховым. «И как не стыдно! Пишет, господин Чехов, такие симпатичные рассказы, а позволяет себе приставать к девушке с гнусными предложениями»...

— А я никогда из Севастополя и не ездил в Одессу! — сказал Чехов. Когда он рассказывал, глаза искрились слезами, улыбка была на губах, но в глубине его души, внутри, чувствовалась большая, сосредоточенная грусть.

Мало известно о первой жене Леонида Андреева — Александре Михайловне. Брак был исключительно счастлив. Александра Михайловна отличалась исключительной скромностью, старалась быть совсем незаметной, отходила на самый задний план. Но роль ее в творчестве Андреева была велика. Работал он по ночам, и она не ложилась, пока он не кончит и тут же не прочтет ей всего написанного.

Шла русско-японская война. Андреев написал прощувший тогда рассказ «Красный смех». Кончил и прочел жене. Она потупила голову, собралась с духом и сказала: «Нет, это не так!». Он сел писать все сызнова. Написал. Была поздняя ночь. Александра Михайловна была в то время беременна. Устав за день, она заснула на кушетке, но взяла слово с Андреева, что он ее разбудит. Он разбудил, прочел. Она заплакала и сказала: «Ленечка! Все-таки это не так!». Он рассердился, стал ей доказывать, что она дура, ничего не понимает. Она плакала и настойчиво твердила, что, все-таки, это не так. Он поссорился с ней, но... сел писать в третий раз. И только когда в этой третьей редакции она услышала рассказ, вдруг просияла и радостно сказала: «Теперь — так!» И он почувствовал, что теперь действительно так. Вообще Андреев не подчинялся чужим мнениям, но к суждениям Александры Михайловны всегда прислушивался.

Александра Михайловна умерла сейчас же после родов. Весной Андреев приехал на о. Капри, — Там жил и

Горький. За это время он сильно пополнил и обрюзг, стал много пить, — никак не мог забыть покойную жену. Вздох маченичный, сидел ночью за столом, пил вино стакан за стаканом, говорил: «Я не знаю, как жить, смогу ли я жить. Третьего дня ночью я был на краю самоубийства. Тогда в первый раз я прочел дневник Шуры. Я не подозревал, какой это был большой, огромный человек. Тут только я узнал... Что со мной делается! С ума я схожу? Я этого не могу принять, не могу понять: как можно любить мертвую? А я ее люблю, продолжаю любить. Когда я говорю, — ее нет. А только что замолчал, и она во мне». Умирая, Александра Михайловна ему сказала: «Ты должен остаться жить, ты... большой писатель. Ты должен завершить, что задумал...». Все его планы и замыслы она хорошо знала. Пред смертью она свою мать просила передать мужу: «Скажи ему, что-бы он женился». И прибавила: «Только так, как я, его никто не будет любить».

И по щекам Андреева текли слезы, темный ужас стоял в глазах.

В начале нашего века и дальше, в течение многих лет, шла молва о том, что русская молодежь слишком восторженно относится к писателям. Действительно, и Горького, и Леонида Андреева носили буквально на руках, им кланялись на улице незнакомые люди, к ним прибегали за советами по самым интимным делам. Впрочем, это было и прежде. К известному критику Ник. Михайловскому люди приходили с просьбой, чтобы он разо-

брал и разрешил даже их самые сокровенные семейные недоразумения. Потом молились на Гаршина и Надсона.

Вересаев вспоминает, как он, студентом, возвращался со своим коллегой. Происходили похороны Надсона. Молодежь была в огромном количестве. Вересаев с приятелем продрогли на морозе и проголодались. Зашли в первый попавшийся трактир, спросили бутылку водки, закуски, сели за стол. Вдруг, видят — входит Гаршин, и с ним несколько молодых людей. Подошли к стойке, выпили по рюмке водки. Приятель шепнул Вересаеву: «Пойдем, выпьем с Гаршиным». Они пошли с наполненными рюмками и студент Вересаев, взволнованно глядя в черные глаза Гаршина, сказал: «Всеволод Михайлович, позвольте нам выпить с вами за ваше здоровье!». Гаршин рассеянно взглянул: «Господа, я больше один я рюмки не пью». Студент возразил: «Ну, что вам стоит выпить вторую! Со студентами!». Но тут вмешался один из молодых людей, сопровождавших Гаршина: «Господа, Всеволод Михайлович болен. Ему врачи запрещены спиртные напитки». Прошло немного времени и пронеслась горестная весть: Гаршин кончил самоубийством. Все встречавшиеся с ним никогда не могли забыть его темных, черных, замечательных глаз, полных тайной тоски. Приговоренность этого человека была несомненна для всех, не только близких к нему, но и для всех, только раз взглянувших на это нервное, печальное лицо, заглянувших в эти темные глаза.

П. Трубников.

* В. Вересаев. Воспоминания. Изд. М. 1900 г.